

на небывалую прежде высоту, обиліе крупныхъ дарованій, принесшихъ тогда свой вкладъ въ поминовеніе поэта. Теперь многое перемѣнилось; нѣтъ больше Тургенева, нѣтъ Достоевскаго, нѣтъ Островскаго; нѣтъ увлеченія, сопряженнаго съ новизною, нѣтъ перемирія или хотя бы затишья въ литературной борьбѣ. Со всѣхъ сторонъ слышатся мрачныя ноты; радостныя ожиданія уступили мѣсто равнодушію или тревогѣ—одна поэзія Пушкина сохранила всю свою чистоту, всю могучую силу; ея царственная власть надъ умами еще разъ обнаружилась въ полномъ своемъ блескѣ. Въ глубину—этой власти больше ужъ некуда расти, она достигла здѣсь крайняго возможнаго предѣла; но за то наступаетъ ея ростъ въ ширину, въ даль, начинается ея побѣдоносное шествіе въ такую область, которой она до сихъ поръ едва касалась. Переставъ быть частною собственностью, творенія Пушкина становятся, въ буквальномъ смыслѣ слова, собственностью русскаго народа. Теперь можно не только мечтать, но и серьезно думать о томъ времени, когда они будутъ въ рукахъ всякаго русскаго грамотнаго человѣка. Многое, безспорно, останется въ нихъ понятнымъ и интереснымъ далеко не для всѣхъ, но многое доступно каждому; не даромъ же цѣлый рядъ стихотвореній Пушкина давно уже вошелъ въ обиходъ правильно организованнаго народнаго обученія. Дѣло, начатое начальной школой, будетъ приведено къ концу, въ будущемъ, быть можетъ, не слишкомъ уже отдаленномъ, народными читальнями и народной книжной торговлей.

Черезъ четыре года исполнится полвѣка со времени смерти Лермонтова, черезъ семь лѣтъ—со времени смерти Кольцова, черезъ одиннадцать лѣтъ—со времени смерти Бѣлинскаго, черезъ пятнадцать лѣтъ—со времени смерти Гоголя. Вопросъ о приуроченіи литературныхъ празднествъ къ годовщинѣ смерти писателя сохраняетъ, поэтому, свое значеніе и по минованіи Пушкинскихъ дней, поставившихъ его на очередь въ нашей печати. По какому бы поводу ни чествовалась память великаго человѣка, давно отошедшаго въ вѣчность — по поводу ли дня его рожденія, или дня его смерти, или по поводу открытія ему памятника, — господствующія черты чествованія всегда остаются однѣ и тѣ же. Благодарному воспоминанію о безсмертныхъ заслугахъ незачѣмъ одѣваться то въ пурпуръ, то въ трауръ; когда бы оно ни было вызвано наружу, оно всегда одинаково относится къ тому, кого ужъ нѣтъ. Франція чествовала недавно столѣтнюю годовщину смерти Вольтера, Германія чествовала двумя десятилѣтіями раньше столѣтнюю годовщину рожденія Шиллера; различались ли эти два чествованія одно отъ другого, было ли первое преимущественно днемъ скорби, въ противоположность послѣднему, какъ дню ликованія и радости? Безъ сомнѣнія—нѣтъ; мысль о потерѣ въ обоихъ случаяхъ одинаково отступала